

И.В. Львова

ОБРАЗ РОССИИ В КУЛЬТУРЕ БИТ

Исследуется проблема формирования и репрезентации образа России в культуре Бит, причины aberrаций в этом процессе. На примере творчества Д. Холмса, У. Гинсберга, Д. Керуака показывается, как поколением Бит переосмысливается мифологизированный образ России. Анализируется создаваемый битнический миф о России как о стране святости, духовных поисков, показано влияние русской литературы и творчества Ф.М. Достоевского на его формирование. Особое внимание уделяется интерпретации идеи братства писателями поколения Бит в сопоставлении с американской идеей витальности (livelihood) и воздействию этих идей на создание представлений о России как прообразе будущего братства.

Ключевые слова: образ России, рецепция, культура Бит, Д. Холмс, Д. Керуак

На протяжении XX в. отношение к России в США существенно менялось: она была то на периферии общественного сознания, то выходила на первый план, тем самым способствуя переосмыслению ее места в мире и значения для истории США. Обычно интерес к России повышался в связи с усилением ее роли на мировой арене, что, как правило, воспринималось как угроза. По словам американской исследовательницы Хелен Мачник, сказанным еще в 1939 г., «Россию стали сначала бояться, а потом узнавать» [1. Р. 5]. Можно говорить о трех волнах повышенного интереса к России в XX в.: первая была вызвана революцией, вторая приходится на послевоенное время и третья – на конец 1980 – начало 1990-х гг.

Именно послевоенные годы прошлого столетия придали новый импульс к осмыслению значения России для духовной истории США; ее образ существенно корректируется, обретает новые грани. Этот импульс происходил из противоположных источников: с одной

стороны, живы были еще союзнические симпатии со времен Второй мировой войны, с другой – усиливалось идеологическое противостояние с СССР. Поэтому в послевоенный период возрождаются прежние стереотипы восприятия России и русских. Так, в книге «Америка противостоит России» (1950), посвященной изучению российско-американских отношений, Томас Бэйли пишет: «Черты, которые отмечали у русских американские наблюдатели в XIX века, обнаруживаются и в двадцатом. Наиболее часто упоминаемые – это подозрительность к иностранцам, двуличие, скрытность, уклончивость, привычка откладывать выполнение обещаний на неопределенный срок, грубость, бессердечность, жестокость, покорность абсолютизму, зависимость от бюрократии и центральной власти, терпимость к цензуре и секретной полиции; а также такие “восточные” качества, как терпение и смирение, наклонность к экспансии и империализму, миссионерский импульс, склонность к панславизму и коммунизму... Единственный язык, который уважают Советы, – это язык силы» [2. Р. 349, 351].

В то же время шел поиск сходства между США и Россией. Еще в 1917 г. Ван Вик Брукс писал: «Америка – это просто Россия наоборот. Россия – богатейшая из стран в духовной энергии, Америка – беднейшая. Россия беднейшая в социальном устройстве, мы – самые богатые» [3. Р. 3]. Это замечание отражает сложившиеся в США представления о России как двойнике и одновременно антиподе Америки.

Общность двух стран ощущалась и многими американскими писателями, пришедшими в литературу в 1940-1950-е гг. Особенно эту близость отмечали писатели из южных штатов. Так, Карсон Маккаллере в статье «Русские реалисты и литература Юга» писала, что схожесть социальных условий жизни в России и на американском Юге привела к близости психологического склада русских и южан. Как и русские, указывает К. Маккаллерс, южане ленивы, эмоциональны, впечатлительны, обладают большой силой воображения, и те и другие – гедонисты. Отсюда и близость задач, которые ставила русская и американская литература, и сходство в изображении действительности: «отношение таково – люди не плохи, не хороши, они только несчастливы и более или менее приспособлены к тому, чтобы быть несчастливыми» [4. Р. 255].

Наиболее последовательно стремление переосмыслить сложившиеся стереотипы восприятия России, обнаружить черты общности между двумя странами отличало писателей и поэтов «поколения Бит» [5. С. 8].

Движение Бит – неоднородное, противоречивое, стало первым и наиболее влиятельным феноменом молодежной контркультуры, оказавшим воздействие на развитие искусства и литературы в США. В музыке это бибоп-джаз Майлза Дейвиса и Чарли Паркера; в драматическом искусстве – театр Просцениум Джульена Бека и Джудит Малины; в живописи – абстракционистская живопись Джексона Поллока и нью-йоркской школы. Заявило о себе это движение и в кинематографе [5. Р. 4]. Литература поколения Бит представлена именами писателей Джэка Керуака, Джона Холмса, Уильяма Берроуза; поэтов Алена Гинсберга, Лоренса Ферлингетти, Грегори Корсо и др. [6].

Начало литературному движению Бит положил небольшой кружок молодых писателей и поэтов, живших в Нью-Йорке. Центральными фигурами в нем были А. Гинсберг, Дж. Керуак и У. Берроуз [7. Р. 43].

Появление «поколения Бит» явилось реакцией на духовный кризис, охвативший западное общество после Второй мировой войны. Война разрушила или поставила под сомнение все традиционные представления и категории, с помощью которых оперировал западный интеллигент. Норман Мейлер отмечал в программном эссе «Белый негр»: «Вторая мировая война оказалась зеркалом человеческого удела, ослеплявшим каждого, кто отваживался в это зеркало заглянуть. Ибо если десятки миллионов были убиты в концлагерях из-за того, что сверхдержавы с их вечно неразрешимыми противоречиями и всегдашней несправедливостью мучались не то агонией, не то родовыми схватками, то как же было человеку не удостовериться, что созданное им общество, сколь бы несовершенным и искаженным подобием его самого оно ни являлось, остается тем не менее его созданием, продуктом коллективного людского творчества (или, по меньшей мере, результатом коллективных усилий прошлого), а раз общество проявило себя силой столь для него губительной, мог ли кто бы то ни было игнорировать самые отталкивающие подозрения насчет своей собственной природы?» Поэтому, как заключает Н. Мейлер, «изо всех пор американской жизни доносится запах страха, и мы страдаем всеобщим упадком духа» [8. С. 133].

Суть мироощущения человека середины XX столетия очень точно охарактеризовал Эрих Фромм: «В XIX веке проблемой было “Бог умер”, в XX веке стало “умер человек”. В XIX веке бесчеловечность означала жестокость, в XX веке она означает шизоидное самоотчуждение» [9. С. 195]. Человек второй половины XX в. жил с ощущением того, что целостность его личности утрачена, так как он испытывал влияние различных, часто враждебных представлений о человеческом «я». Поэтому, чтобы преодолеть отчуждение, человек стремился реализовать себя, жить в свете тех нравственных представлений, которые он сам выбрал.

Американское общество было вовлечено в те же процессы, что и европейское, но его реакция на происходящее, несомненно, имела свою национальную специфику, которая определялась и культурными традициями, и особыми чертами американской общественной и духовной жизни на рубеже 1940–1950-х гг. Алексей Зверев справедливо заметил в этой связи, что «идейно-эстетическая проблема, которую решали американцы, – проблема духовного содержания американской жизни, ее побудительных стимулов, природы того типа личности, который сформировала американская действительность с ее своеобразной системой ценностей и взаимоотношений» [10. С. 187].

Американцы обнаружили, что живут в мире иррациональном и неуправляемом, и для людей, чье жизненное основание зиждилось на вере в будущее, это открытие стало потрясением. Суть происшедшего перелома заключалась в том, что, по словам американского историка Алана Эренхалта, в этот период страна двинулась от «традиционного общества, для которого была характерна стабильность, авторитет власти, к обществу изменения и выбора» [11. Р. 12]. Концепции индивидуализма и протестантской трудовой этики, занимавшие столь видное место в американской духовной традиции, подверглись пересмотру. Эти изменения выразились, в частности, в нарастании протестных и бунтарских настроений, обострении интереса к духовным поискам, в значительных переменах в личностных отношениях и сексуальном поведении.

Причины происходивших социальных изменений анализировали сами представители «поколения Бит» уже в первых манифестах и статьях. Так, писатель Дж. Холмс (1926–1988) отмечал: «Наверное, каждое новое поколение ощущает, что унаследовало самый плохой

из всех возможных миров, но «поколение Бит» наиболее остро это чувствовало... Это было первое поколение, для которого промывание мозгов, геноцид, кибернетика, исследования по мотивации поведения и, как результат, представление об ограниченности человеческой свободы воли были знакомы как собственные пять пальцев» [12. Р. 68]. Дж. Холмс неоднократно возвращался к анализу причин, вызвавших появление нового поколения молодых людей, и позже, в эссе 1967 г., высказался более поэтично: «...бременем, которое пришлось нести моему поколению в те послевоенные годы, стал огромный вихрь смерти; совершенные убийства, воображаемые или действительные; чувство, что нечто вышло внезапно из-под контроля ужасающе и опасно... бременем для нашего поколения стало знание того, что тому причиной явилось нечто рациональное, но ничто рациональное не способно его остановить. Бременем моего поколения была необходимость нести все это в полной беспомощности – геноцид, массовые убийства – и по-прежнему искать любви в подполье, где прячется все живое, если оно хочет выжить в наш век. По крайней мере, так я думал в то время» [13. Р. 45].

Эта сентенция Дж. Холмса указывает на некоторые существенные особенности мироощущения «поколения Бит», а именно на возникший кризис: оно, с одной стороны, отвечало протестом и бегством, с другой – попыткой построить собственную жизнь на иных основаниях, причем создают они, по их собственной характеристике, таинственное, ненасильственное подполье, ставшее символом и выражением молодежной контркультуры.

В поисках новых ценностей Бит обращают свое внимание к России, переосмысляя тот образ страны, который сложился в американском обществе и культуре [14. Р. 113]. Увлечение Россией и русской культурой возникло в годы войны. Так, Дж. Керуак, записавшись во флот в 1942 г., надеялся попасть в Россию. «Я еду в Россию!» – писал он восторженно своей подруге Норме Бликфелт. Он обещает привезти немного русской земли для своего друга Себастьяна Сампаса, потому что «земля России – это душа России» [15. Р. 24].

Американского поэта А. Гинсберга заставляли чувствовать свою близость к русской культуре и русской ментальности русские корни. В интервью Клинту Фрейксу 1991 г. он говорил: «Я русский поэт, пишущий на другом языке» [16. Р. 540]. Увлечение представителей

«поколения Бит» Россией было столь сильно, что «Керуак сказал, что, если Россия и Америка станут воевать между собой, он покончит жизнь самоубийством. Потому что Керуак прочитал всего Достоевского и тосковал по русской почве» [17. Р. 175]. Подтверждением словам А. Гинсберга служит дневниковая запись Дж. Керуака (1947): «Поглупею ли я и откажусь от благословенной “России Достоевского” во мне?» [15. Р. 24]. «Тоска по русской почве», которую испытывал Дж. Керуак, и Россия Достоевского, о которой он пишет, – все эти замечания свидетельствуют о важности образа России в художественном сознании писателя. Само же его творчество оказало значительное воздействие на формирование нового образа России в культуре Бит [18].

Следует отметить, что «поколение Бит» стремилось разрушить сложившееся в то время стереотипное восприятие России, создавая собственный мифологизированный образ страны. Это стремление объясняется общей тенденцией битников к разрушению существующих границ и норм в жизни и искусстве. Художники «поколения Бит» писали о запретном и табуированном в современном им обществе, разрушая цензурные барьеры. Писатели-битники освободили литературу и поэзию от академических оков, от культивируемой модернизмом элитарности, вернули ее на улицы, привнесли дух исповедальности, открытости, прямоты. Для «поколения Бит» характерна интенсивность видения и чувствования, антиформалистская и демократическая направленность. Литература, созданная ими, явилась своеобразной реакцией против принятых форм в поэзии, драме и романе.

Каким же был образ России, сложившийся в художественном сознании писателей «поколения Бит»? С точки зрения А. Гинсберга и Дж. Керуака, Россия – воплощение молодости мира. Представление о России как об очень молодой нации утверждается в западном сознании еще с Астольфа де Кюстина, который замечал: «Вся Россия, нация-дитя, – не что иное, как огромный коллеж» [19. С. 193]. Об этом же пишет Альбер Камю, совершая экскурс в историю русского нигилизма: «В этой юной стране, лишенной философских традиций, совсем еще молодые люди... усвоили немецкую идеологию и стали кровавым воплощением ее выводов» [20. С. 233].

Для «поколения Бит» молодость русских кажется привлекательной, а психологический склад – близким. Как пишет Джордж Стай-

нер, «жизнь и в Америке, и в России полна юношеского фанатизма» [21. Р. 35]. Молодость нации свидетельствует и о нонконформизме как определяющей ее черте, поэтому Россия видится битникам как страна нонконформизма.

Кроме того, «поколению Бит» Россия казалась близкой своей антибуржуазностью, иным духовным складом людей, так называемой русскостью. В годы маккартизма и холодной войны интерес к русскому был своеобразным вызовом американскому обществу. Движение битников воспринималось в обществе как антиамериканское. Даже слово «битник» обрело русский суффикс (по аналогии со словом «спутник») [22. Р. 3]. Таким образом, сам интерес к России свидетельствовал о бунтарском характере культуры «поколения Бит».

Однако Россия становится не только символом несогласия и протеста. Обращаясь к русской истории и культуре, «поколение Бит» создавало новую систему ценностей, радикальным образом отличавшуюся от существовавшей в американском обществе. Происходящее с молодыми людьми они сами воспринимали как революцию духа. Именно битники выразили потребность молодежи 1950-х гг. в жизни, тяготеющей к самопознанию; к жизни, на которую не производит впечатление успех. Можно утверждать, что парадокс «поколения Бит» и состоит в том, что, несмотря на свой нигилизм и бунтарство, они вернули религиозный дух американской литературе. «Поколение Бит, – писал Дж. Холмс, – в основном религиозное поколение. Даже наиболее грубые и нигилистически настроенные представители «поколения Бит» были исключительно озабочены вопросами веры, хотя, может быть, и неосознанно» [12. Р. 67, 72].

Такое понимание цели битников выразилось и в толковании понятия «Бит». Дж. Керуак многократно возвращался к происхождению этого слова, выводя его из *beatific* (блаженный, дарующий блаженство) и подчеркивая тем самым, что поиски духовной истины определяют суть мировидения «поколения Бит». В духовных поисках они искали опоры в другой культурной традиции. Их интерес к России связан с этими поисками. Именно в культуре Бит утверждалось мнение о России как о стране духовности. Оно базируется на сформировавшихся в Европе представлениях о существовании так называемой русской души.

Истоки этого феномена обстоятельно исследованы в работе Роберта Уильямса. Он пишет, что понятие «русская душа» «указывает на качество, которое помогало противопоставить мир русских рационалистическому, материалистическому, ориентированному на труд и ценящему время миру индустриальной Европы XIX в. Душа не только отличала русских, но и позволяла им чувствовать себя выше других» [23. Р. 3]. В начале XX в. это понятие используется европейцами для обозначения «варварского бесконечного восточного космоса», который являла собой Россия. Этот мир представлял опасность и одновременно был привлекательным своей духовной мощью, глубокой религиозностью.

«Русская душа» связывалась с религией страдания, апостолом которого, по мнению западной интеллигенции, был Ф.М. Достоевский. Эта идея впервые была высказана Эженом-Мельхиором де Вогюэ и получила в дальнейшем огромную популярность. Среди «русских» свойств Е. Вогюэ называет: «чувство солидарности между классами людей, которое выражается в уничтожении всех социальных барьеров и способствует свободе общения между различными сословиями»; важность внутренней жизни: «внутренняя жизнь для русского более важна, чем его социальные связи»; сострадание, простирающееся даже на преступников; недоверие к незнакомцам, особенно иностранцам; странная религиозность; вера в особую миссию русского народа; разница в отношении к понятию чести: «В западном мире оно отлично от евангельского. Христианское чувство преобладает в русских» [24. Р. 76, 78, 82–83].

Однако если существование «русской души» было для Е. Вогюэ главной причиной непреодолимой пропасти между русским и западным миром, то молодые писатели «поколения Бит» ищут в мифе о «русской душе» близкие для себя смыслы, адаптируют его к современной исторической и культурной ситуации.

Ни Дж. Керуак, ни А. Гинсберг не употребляют понятие «русская душа», специально не размышляют о ее природе и особенностях; они склонны размышлять о России как альтернативе Запада, как о стране, где рождаются новый человек и новые отношения между людьми, основанные на духовном братстве.

Представление о грядущем новом человеке, который придет на смену человеку европейской цивилизации, стала важной частью ми-

фологии битников. Дж. Керуак создает образ нового человека, святого хипстера, который появляется уже в его первом «битническом» романе «На дороге» (Дин Мориарти). К этому образу писатель возвращается на протяжении всего своего творчества – он создается под влиянием Ф.М. Достоевского и тех представлений о России, которые сформировались во время чтения его произведений.

Сама социальная ситуация и вызванное ею ощущение углубляющегося кризиса западной культуры и цивилизации воспринимаются «поколением Бит» как ситуация, сходная с Россией XIX в. Уже в первой статье Дж. Холмса, посвященной культуре Бит, писатель сравнивает молодое поколение в России конца XIX в. и послевоенное поколение молодых американцев. Он находит у них общие черты, а следовательно, возможности для сопоставления: «Достоевский в 1880-х гг. писал, что в России сейчас не говорят ни о чем ином, как о вечных вопросах. С некоторой поправкой на время можно сказать, что нечто подобное происходит в Америке... Поколение Бит увлечено отчаянными поисками веры... Через тридцать лет поколение, о котором писал Достоевский, стало на чердаках готовить бомбы. Нынешнее поколение, может, и не будет изготавливать бомбы, его, скорее всего, попросят сбросить их, однако этот факт надо всегда иметь в виду» [25. Р. 61, 64].

Важную роль в восприятии России как страны, противостоящей находящемуся в упадке декадентскому Западу, как места рождения нового человека сыграл Генри Миллер, в чьем творчестве тема апокалипсиса – одна из важнейших. Пророчества о грядущей гибели Европы были восприняты «поколением Бит» в том числе и благодаря чтению Освальда Шпенглера. О. Шпенглер писал, что Ф.М. Достоевский предсказал появление культуры нового тысячелетия, которая будет иметь корни на Востоке. Россия напоминает Европу XIV в. – века чумы, войн, смерти, но и веры. Будущее Европы зависит от возвращения к более раннему периоду, к ее молодости, душе. Однако из чтения О. Шпенглера писатели делают вывод, что новая культура и новый человек родятся не в России, а в Америке.

Подобные представления о России и русских нашли отражение и в переписке Дж. Керуака с другом С. Сампасом. Последний подчеркивал различия между русской и западной цивилизациями: «Ты совершенно неправильно судишь о человеке и его цели. Ты не славя-

нин. Это выше возможности твоей бретонской души понять его. Я давно знаю, что русские – дети другой планеты, не этой старой земли, а семена в новой почве, дети земли еще не родившейся культуры. Великие молодые души, ненайденные и бесформенные – их музыка, их литература, глубокая меланхолия, проистекающая от ощущения неисполненности предназначения, а не бесконечное стремление западного человека, его индивидуалистические попытки обрести славу, знание, богатство души, которая почти умерла; их невероятный динамизм, боль рождения нового мира, а не агония смыслов, которые изжили себя» [15. Р. 65].

Очевидно, что С. Сампас повторяет суждения О. Шпенглера о существовании «несоизмеримого различия фаустовской и русской души», а также о том, что Ф. Достоевский и является выразителем этой русской души: «Подлинный русский – это ученик Достоевского, хотя он его и не читает, хотя и также потому, что читать не умеет. Он сам – часть Достоевского». С. Сампас пишет Дж. Керуаку о появлении нового человека: «Земля беременна. Примитивный человек, грубый, незрелый, незавершенный – высший – рождается в сердце нашей земли. Он не ищет другого. Смысл он знает – это жизнь. Он и его человечество – это братья по духу. В его грубости, неотесанности – все наши надежды; его цивилизация будет более великой, чем другие, – искусство будет частью его» [15. Р. 69].

По мысли С. Сампаса (которую разделял Дж. Керуак), молодые американцы послевоенного поколения походили на тех новых людей, погруженных в метафизические искания, каковыми, по словам О. Шпенглера, были в XIX в. русские: «Эти молодые русские перед войной, неопрятные, бледные, возбужденные, пристроившиеся по уголкам и все занятые одной метафизикой, рассматривающие все лишь глазами веры, даже тогда, когда разговор, как кажется, идет об избирательном праве, химии или женском образовании, – это просто иудеи и первохристиане эллинистических больших городов, на которых римляне взирали иронично, брезгливо и с затаенным страхом». Однако, по словам С. Сампаса, не в России, а в Америке рождается новый человек. «В Восточной Европе мало надежды, но в Америке поднимается новый ветер... зарождается новая душа» [15. Р. 69].

Таким образом, Россия в мифологии «поколения Бит» – прообраз будущего мира; страна, способная обновить духовную жизнь совре-

менного американского общества. Для Дж. Керуака Россия – это страна «святости». Подобный образ России создавался и под влиянием Ф.М. Достоевского. Такое представление о России разделяли и другие писатели и поэты «поколения Бит»: Дж. Холмс, А. Гинсберг. Как заявил последний, «святая Россия – святая Америка, от Достоевского к Керуаку» [25. Р. 27].

Упоминания о Ф.М. Достоевском в переписке Дж. Керуака и А. Гинсберга встречаются очень часто. Ф.М. Достоевский представляет все русское, прежде всего особый духовный склад. Так, братьев Орловских (их родители – русские эмигранты), принадлежавших культуре Бит, друзья нередко сравнивали с героями Ф.М. Достоевского. А. Гинсберг называл их «карамазовские ангелы» [26. Р. 123]. Дж. Керуак пишет о Питере Орловском как о потомке «...безумных Ипполитов и Кирилловых Достоевского из царской России XIX века – он даже выглядит похожим на них» [27. Р. 146]. Или еще одно замечание А. Гинсберга: «У Питера Орловски часто было темное русское в духе Достоевского настроение» [16. Р. 325].

Причина подобных сравнений – в особых обстоятельствах жизни братьев «в духе Достоевского» (алкоголизм родителей, душевное расстройство старшего брата), но главное в том, что они русские, носители определенного душевного склада, тех национальных особенностей, которые были воплощены в героях Ф.М. Достоевского. Таким образом, русский мир в сознании «поколения Бит» был тождествен миру Ф.М. Достоевского и противопоставлялся миру конформистской Америки. «Россия Достоевского» обретает в сознании Дж. Керуака статус некоего духовного пространства, где ведется интенсивный поиск истины.

Дж. Керуак увидел в русском писателе пророка, который проповедует миру христианскую любовь и милосердие. Об этом он неоднократно рассуждает в дневниках: «Я думаю, что величие Достоевского – в признании существования человеческой любви. Шекспир не проникся глубоко этим пониманием, остановленный гордостью, как и все мы. Достоевский в действительности – посланник Христа, и для меня – современного Евангелия. Его религиозный пыл проникает за факты и детали повседневности, поэтому он не фокусирует внимание на цветах и птицах, как Святой Франциск, или на финансах, как Бальзак, но на все самые будничные вещи... Виденье Досто-

евского – это виденье Христа, только в современных понятиях. Тот факт, что он запрещен в Советской России, говорит о слабости государства. Виденье Достоевского – это виденье, о котором мы мечтаем по ночам и чувствуем его днем, и эта Истина... просто о том, что мы любим друг друга, нравится нам это или нет, т.е. мы признаем существование другого, и Христос в нас – первое признание этого» [28. Р. 273–274].

Религия страдания, с которой в США обычно связывают творчество Ф.М. Достоевского, не только не отталкивает Дж. Керуака, а кажется ему созвучной его исканиям. Страдание есть неперемненное условие для обретения дара виденья, а следовательно, для творчества. Жизненный путь Ф.М. Достоевского, исполненный страданий, был для Дж. Керуака примером. В письме к Нилу Кэссиди он замечает: «Я еще не начинал жить и писать. Единственное, что меня беспокоит, – это неизбежная Сибирь, которую я должен пройти, как Достоевский, которая заставит меня повзрослеть» [15. Р. 125]. Все эти замечания свидетельствуют о новом образе России, который формируется в творческом сознании Дж. Керуака и других последователей культуры Бит под влиянием Ф.М. Достоевского.

Определяющей для мирозерцания битников становится мысль о человеческом братстве. Дж. Керуак объясняет свое участие в войне желанием почувствовать связь с другими людьми: «Я хочу участвовать в войне не потому, что хочу убивать, а из желания, противоположного желанию убийства, – Братства. Быть с моими американскими братьями, с моими русскими братьями, ибо их тревоги – это мои тревоги; говорить с ними тихо, может быть на заре, в арктическом тумане; узнавать их и, узнавая их, узнавать себя... Я хочу вернуться в колледж с чувством, что я брат земли» [15. Р. 23].

В годы войны, на волне союзнических симпатий, Дж. Керуак видит в России страну, где идея человеческого братства ближе всего к осуществлению. Он мечтает о грядущем человеческом братстве как основе будущих отношений между людьми – идея, почерпнутая в том числе и у Ф.М. Достоевского, а Россия видится ему родиной такого общечеловеческого братства. Вполне возможно, он был знаком с суждением русского писателя о братстве, так как нередко себя и своих друзей называет «Dostoevsky's brother»: «В чем состояло бы это братство, если бы переложить его на разумный, сознательный

язык? – писал Достоевский. В том, чтоб каждая личность сама, без всякого принуждения, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: “Мы крепки только все вместе, возьмите же меня всего, если вам во мне надобность, не думайте обо мне, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я все права вам отдаю, и, пожалуйста, располагайте мною. Это высшее счастье мое – вам всем пожертвовать и чтоб вам за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь с полным безразличием, только бы ваше братство процветало и осталось”. А братство, напротив, должно сказать: “Ты слишком много даешь нам... Возьми же все и от нас... Мы все за тебя, мы все гарантируем тебе безопасность, мы неустанно о тебе стараемся, потому что мы братья, мы все твои братья, а нас много и мы сильны; будь же вполне спокоен и бодр, ничего не бойся и надейся на нас”» [29. С. 80].

Дж. Керуак переосмысливает идею братства, адаптируя для американской культурной традиции наиболее «неусвояемые» ее аспекты – такие, как жертвенность и отказ от индивидуализма; иначе говоря, он «американизирует» ее. Интересно, что для этого он вновь обращается к Ф.М. Достоевскому. Предметом для его рефлексии становится образ Христа в «Братьях Карамазовых». Он называет его Христом «страстей и радостей» (*of lusts and glees*) и интерпретирует этот образ как проповедника и защитника свободы личности, которая понимается Дж. Керуаком широко, в контексте американской доктрины «доверия к себе» и индивидуалистической этики.

Увиденная Дж. Керуаком особенность Христа «Братьев Карамазовых» – витальность, помогает ему сформулировать мысль о необходимости «*livelihood*» (жизненности) для человека, т.е. жизненной энергии, способствующей утверждению собственного «я». Христос «Братьев Карамазовых», по мысли писателя, как раз и проповедует радость жизни, мораль, которая происходит из самой жизни. Теперь Дж. Керуак, противопоставляя Европу и полную жизненных сил Америку, пишет, что вместо братства людей Европы возникнет «*livelihood of man in America*» [15. Р. 107]. «*Livelihood*» становится идеей планетарного братства свободных «естественных людей». В письме к сестре (1948) он пишет об «*livelihood of man*» как о новой идеологии, которая объединит людей, и противопоставляет ее «лицемерной идеологии братства» [15. Р. 145]. Безусловно, идея *livelihood*, которая предполагает и про-

славляет не только «жизненность», но и индивидуализм, была совершенно чужда Достоевскому.

Мечта Дж. Керуака – соединение братства и индивидуализма, vitalности и самоотречения; в этом он видел залог будущего для обеих наций. В дневнике 1948 г. он пишет: «Главная идея в Америке, как я полагаю, – это всеобщая *livelihood* человека, а в России главная идея – всеобщее братство людей. Искажение этих двух идей ведет к империализму, американскому и русскому в сегодняшнем мире... Американская идея – это также возвеличивание скромности и порядочности в обществе. Она вырастет с великой идеей России – идеей Братства» [28. Р. 142–143].

Однако позднее Дж. Керуак корректирует свои представления о братстве. Вероятно, это связано с изменением его политической позиции, которая становится более консервативной. В СССР он видит угрозу для США и опасается, что воплощение идеи братства ведет к тоталитаризму: «У меня есть здесь книга, воспоминания бывших коммунистов, которые отказались от своих убеждений, поняв звериную сущность тоталитаризма... и мысль об этом мире вгоняет меня в депрессию...» [15. Р. 19].

Можно заключить, что в культуре Бит создается новый мифологизированный образ России и миф о России, причем миф литературный, ибо его источником явились русская классическая литература и творчество Ф.М. Достоевского. Но этот образ становится важным для рефлексии самих писателей, ибо он формирует их мировоззрение и характер творческих поисков. Благодаря писателям и поэтам «поколения Бит» возникает непривычный образ России – страны, где ведутся интенсивные поиски духовной истины; страны, благодаря которой Америка познает себя, определяет свое место в духовной истории человечества.

Литература

1. *Muchnic H.* Dostoevsky's English Reputation (1881–1936) // *Smith College Studies in Modern Languages*. 1939. Vol. 20, № 3–4. P. 62–110.
2. *Bailey T.* America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to our Day. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1950. 375 p.
3. *Dial*. 1917. March.
4. *McCullers C.* The Mortgaged Heart. Boston : Houghton Mifflin, 1971. 292 p.

5. *Львова И.В.* Ф.М. Достоевский и американский роман 1940–1960 гг. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ 2008. 312 с.
6. *Serritt D.* Mad to be Saved. The Beats, the 50's and Film. Southern Illinois : Southern Illinois University Press, 1998. 272 p.
7. *Burroughs W.* The Job. Interviews with William S. Burroughs. N.Y. : Cherry Valley Editions, 1976. 224 p.
8. *Мейлер Н.* Белый негр. Беглые размышления о хипстере // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 131–145.
9. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 414 с.
10. *Зверев А.М.* Модернизм в литературе США. М. : Наука, 1979. 318 с.
11. *Ehrenhalt A.* Learning from the Fifties // The Wilson Quarterly. 1995. Vol. 19, № 3. P. 8–29.
12. *Holmes J.C.* The Philosophy of the Beat Generation // Passionate Opinions. Fayetteville : University of Arkansas Press, 1988. P. 65–78.
13. *Holmes J.C.* Clearing the Field // Passionate Opinions. Fayetteville : University of Arkansas Press, 1988. P. 3–47.
14. San Francisco Beat. San Francisco : City Lights Books, 2001. 364 p.
15. *Kerouac J.* Selected Letters. 1940–1956. N.Y. : Viking, 1995. 629 p.
16. *Ginsberg A.* Spontaneous mind. N.Y. : Harper Perennial, 2001. 624 p.
17. Beat Writers at Work. N.Y. : Modern Library, 1999. 350 p.
18. *Львова И.В.* Достоевский в дневниках Дж. Керуака // Русская литература. 2010. № 1. С. 187–192.
19. *Кюстин А.* de Россия в 1839 году : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2. 526 с.
20. *Камю А.* Бунтующий человек. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
21. *Steiner J.* Tolstoy or Dostoevsky: an Essay in the Old Criticism. N.Y. : Knopf, 1959. 354 p.
22. San Francisco Chronicle. 1958. April 2.
23. *Williams R.C.* Russia Imagined: Art, Culture and National Identity, 1840–1995. N.Y. : Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1999. 394 p.
24. *Vogue E.-M. De.* The Russian Novel. N.Y. : Chapman & Hall, 1916. 364 p.
25. The Beat Generation and the Russian New Wave. Ann Arbor : Ardis, 1990. 156 p.
26. *Johnson J.* Minor Characters. Boston : Houghton Mifflin, 1983. 263 p.
27. *Kerouac J.* Desolation Angels. N.Y. : A Paragon Book, 1979. 366 p.
28. *Kerouac J.* Windblown World. The Journals of Jack Kerouac 1947–1954. N.Y. : Viking, 2004. 387 p.
29. *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5. С. 46–98.

The Image of Russia in Beat Culture

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 16, pp. 207–224. DOI: 10.17223/24099554/16/13

Irina V. L'vova, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation).

E-mail: ilvovaster@gmail.com

Keywords: image of Russia, reception, Beat Culture, John Clellon Holmes, Jack Kerouac.

Throughout the twentieth century, the attitude towards Russia in the United States changed significantly: it was either on the periphery of public consciousness or came to the fore, thereby contributing to a rethinking of its place in the world and its significance for the history of the United States. Usually, interest in Russia increased in connection with the strengthening of its role in the world arena, which, as a rule, was perceived as a threat. The post-war period gave a new impetus to understanding the significance of Russia for the spiritual history of the United States; her image is significantly corrected. The Beat Movement is the most influential phenomenon of the youth counterculture, which affected the development of art and literature in the United States and European countries in the 1950s–1960s. Creative work of such writers as A. Ginsberg, K. Rexroth, N. Cassady, G. Snyder, L. Welch, W. Ferlingetti, W. Burroughs, D. Kerouac, J. Holmes is associated with this movement. A new wave of interest in Russia was evoked by sympathies during the Second World War, influence of leftist ideas, and fascination with Russian culture. Jack Kerouac, the most influential figure in postwar American literature, maintains his interest in Russia throughout his life thanks to his closest friends: first S. Sampas, who saw Russia as a country where new relations between people are born, then A. Ginsberg and the Orlov brothers, who had Russian roots. The Russian theme has always been important in the works of Kerouac. From his perspective, Russia represented the world of spirituality, brotherhood, and faith. Kerouac sees Russia as a country where the idea of human brotherhood is the closest to implementation. However, later he reconsiders the concept of brotherhood, introducing the idea of “livelihood”. In a letter to his sister (1948), he writes about the “livelihood of man” as a new ideology that will unite people and contrasts it with the “hypocritical ideology of brotherhood”. In the diary (1948), he reflects on the possibility of uniting the Russian idea of brotherhood and the American idea of livelihood since the distortion of these two ideas leads to imperialism, American and Russian, in today’s world. Thus, a contradictory image of Russia was formed in Beat Culture. This ambivalent attitude towards Russia was reflected primarily in Kerouac’s creative work; he attempts to overcome the differences of the spiritual and mental traditions of Russia and the United States, looking for a possibility to unite them on Christian principles and the idea of personal freedom.

References

1. Muchnic, H. (1939) Dostoevsky’s English Reputation (1881–1936). *Smith College Studies in Modern Languages*. 20 (3–4). pp. 62–110.

2. Bailey, T. (1950) *America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to our Day*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
3. Dial. (1917) March.
4. McCullers, C. (1971) *The Mortgaged Heart*. Boston: Houghton Mifflin.
5. L'vova, I.V. (2008) *F.M. Dostoevskiy i amerikanskiy roman 1940–1960 gg.* [F.M. Dostoevsky and the American novel of the 1940s–1960s]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
6. Sterritt, D. (1998) *Mad to be Saved. The Beats, the 50's and Film*. Southern Illinois: Southern Illinois University Press.
7. Burroughs, W. (1976) *The Job. Interviews with William S. Burroughs*. N.Y.: Cherry Valley Editions.
8. Meyler, N. (1992) Belyy negr. Beglye razmyshleniya o khipstere [A White Black. Fluent reflections on the hipste]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 131–145.
9. Fromm, E. (1993) *Psikhoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. Translated from German. Moscow: Respublika.
10. Zverev, A.M. (1979) *Modernizm v literature SshA* [Modernism in US literature]. Moscow: Nauka.
11. Ehrenhalt, A. (1995) Learning from the Fifties. *The Wilson Quarterly*. 19 (3). pp. 8–29.
12. Holmes, J.C. (1988a) The Philosophy of the Beat Generation. In: *Passionate Opinions*. Fayetteville: University of Arkansas Press. pp. 65–78.
13. Holmes, J.C. (1988b) Clearing the Field. In: *Passionate Opinions*. Fayetteville: University of Arkansas Press. pp. 3–47.
14. Meltzer, D. (ed.) (2001) *San Francisco Beat: Talking with the Poets*. San Francisco: City Lights Books.
15. Kerouac, J. (1995) *Selected Letters. 1940–1956*. N.Y.: Viking.
16. Ginsberg, A. (2001) *Spontaneous mind*. N.Y.: Harper Perennial.
17. Plimpton, G. (ed.) (1999) *Beat Writers at Work*. N.Y.: Modern Library.
18. L'vova, I.V. (2010) Dostoevskiy v dnevnikakh Dzh. Keruaka [Dostoevsky in the Diaries of J. Kerouac]. *Russkaya literatura – Russian Literature*. 1. pp. 187–192.
19. De Custine, A. (1996) *Rossiya v 1839 godu: v 2 t.* [Russia in 1839: in 2 volumes]. Translated from French. Vol. 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
20. Camus, A. (1990) *Buntuyushchiy chelovek* [The Rebel]. Translated from French. Moscow: Politizdat.
21. Steiner, J. (1959) *Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in the Old Criticism*. N.Y.: Knopf.
22. *San Francisco Chronicle*. (1958) April 2.
23. Williams, R.C. (1999) *Russia Imagined: Art, Culture and National Identity, 1840–1995*. N.Y.: Peter Lang Inc., International Academic Publishers.
24. De Vogue, E.-M. (1916) *The Russian Novel*. N.Y.: Chapman & Hall.
25. Lauridsen I.T. & Dalgaard, P. (eds) (1990) *The Beat Generation and the Russian New Wave*. Ann Arbor: Ardis.
26. Johnson, J. (1983) *Minor Characters*. Boston: Houghton Mifflin.

27. Kerouac, J. (1979) *Desolation Angels*. N.Y.: A Paragon Book.
28. Kerouac, J. (2004) *Windblown World. The Journals of Jack Kerouac 1947–1954*. N.Y.: Viking.
29. Dostoevskiy, F.M. (1973) Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh [Winter notes on summer impressions]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 5. Leningrad: Nauka. pp. 46–98.